Ведунья против короля

Автор:
Вера Чиркова

Ведунья против короля

Вера Андреевна Чиркова

Ведунья #2

Весьма непросто живется девушкам, выбравшим стезю ведуний. Слишком много вокруг желающих упрочить свои дела и положение или исправить ошибки и проступки с помощью чужих способностей. Но, хотя у ведуний нет ни магических способностей и амулетов, ни мощного оружия и надежной защиты, не так-то просто заставить обычных с виду женщин преступить через правила и принципы своего клана.

Вера Чиркова

Ведунья против короля

Десятое светозарня

Королевский форт «Скальный»

Дилли

Узкий проход между надежно скрывавшими свою тайну довольно высокими скалами привел судно в крохотную бухточку, глубоко вдававшуюся в каменистый островок.

После кипящих вокруг пенных бурунов и грозно нависающих над бригом изрезанных ветром столбов и арок бухта выглядела неправдоподобно мирной и на удивление безопасной.

В прозрачной воде играли стайки серебристых и красных рыбок; чистенький деревянный причал, выкрашенный белой и синей краской, казался слегка провинциальным и оттого очень уютным, а кусты диких роз, оплетавшие ведущую вверх, к узкой дверце рукотворной крепости, лестницу, придавали этому местечку ощущение давно позабытого покоя.

Однако семеро гостей, ступавших по сходням за невозмутимым Леаром, почему-то чувствовали себя овцами, безропотно бредущими на бойню. Хотя никто из них и не признался бы в этом вслух – у каждого хватало гордости и уверенности в собственных силах. Но все непроизвольно поджимали губы и незаметно стискивали кулаки.

Кроме, пожалуй, двух девушек, одетых в одинаковые темные дорожные платья и прикрывающих лица плотными темно-серыми вуалями. Пользуясь этим простеньким щитом, ведуньи торопливо и бдительно изучали все, чего не сумели рассмотреть с палубы брига, пока он швартовался.

– Прошу, – указывая на лестницу, оглянулся на спутников секретарь и снова пошел впереди.

– А встречать важных гостей, похоже, тут не положено, – еле слышно фыркнула Лита, немедленно заработав предупреждающий взор регента:

– Тсс!

Девушка покорно кивнула зятю, не имея ни желания, ни возможности объяснять, что ведуньи, попав в западню, предпочитают не оборону, а нападение. Хотя это весьма спорное и зачастую абсолютно неверное определение их способа действий.

Сразу за калиткой прибывших ждали.

Выстроились по обе стороны дорожки хмурые воины, предупреждающе державшиеся за рукояти спрятанных пока в ножны клинков, а прямо перед гостями застыл непробиваемо бесстрастный форандский генерал. У его ног красноречиво разинул пасть большой сундук.

– Вам надлежит сдать мне все оружие, в том числе и магическое, – сухо и властно объявил он, едва за вошедшими захлопнулась тяжелая, окованная железом дверца.

– Мы ехали сюда с дружеским визитом по приглашению короля, а не сдаваться в плен, – ледяным тоном отчеканил Тровенг. – И если вы незамедлительно не снимете это требование и не извинитесь, отправимся домой.

– У нас есть подозрения, что вы явились сюда по сговору с лордом Шрагеном, – неуступчиво вздернул нос служака.

– Неточные у вас сведения, – процедил Гардант. – Лорд Шраген всего лишь доставил мне письмо короля с просьбой навестить его величество. А позже это приглашение подтвердил лорд Леарон Батенд.

– Леарон сам подозревается в измене, – презрительно скривил губы генерал, – и его ждут камера и допрос.

– За что? – тихо спросил секретарь.

– Слишком рьяно защищал самозванца! – В голосе офицера ясно слышалось злорадство.

– Тогда мы уходим, – повернулся к нему спиной Тровенг. – Мне не о чем договариваться с безумцами, и помочь им тоже нечем.

– Вы так уверены, что вам это удастся? – ударила ему в спину желчная ухмылка.

– Мы убеждены в одном: ты ни грана не уважаешь его величество Эршеля и не считаешь достойным королем, – с неожиданной дерзостью объявил вояке Звен. – Иначе не стал бы устраивать это глупое представление. А еще мы знаем, что всех вот этих воинов, так преданно глядящих сейчас тебе в рот, на самом деле

ты презираешь и ни грана не ценишь. И уже заранее беспощадно приговорил к самому страшному, не пожалев ни их самих, ни жен, ни детей, ни матерей. Это простые воины могут не понимать, что ни у кого из них нет ни малейшего шанса остаться в живых, если попытаются выполнить твой приказ, а ты все просчитал. И надеешься на кучу мощных амулетов, спрятанных за пазухой, да на крепость двери, за которой я ощущаю магическое существо.

Воины побледнели, но не шелохнулись, лишь крепче сжали рукояти оружия, наивно веря в его защиту.

– Вы не осмелитесь! Или мои шхуны затопят ваш бриг! – высокомерно процедил цербер в эполетах.

– Пусть попробуют, – ехидно предложил магистр и вдруг резко и холодно прикрикнул: – А теперь прекращай свою комедию и отойди с дороги!

– Иначе? – едко заухмылялся генерал, незаметно отступая на полшага.

– Иначе пеняй на себя.

Больше ничего говорить Звену не пришлось. Ланс вдруг предупреждающе свистнул, и над гостями моментально сомкнулся охранный щит, закрывая их от воинов короля тусклым маревом. Ведуньи все же успели заметить, как злосчастный сундук птицей взвился в небо и улетел в неизвестном направлении. В тот же момент воины, мгновенно уснувшие во главе с вздорным генералом, рухнули как подкошенные на камни маленького дворика.

Словно не замечая валяющихся вокруг тел, регент уверенно повел свою разношерстную команду к входным дверям в помещения форта, вырубленные в теле скалы. Попутно он зорко поглядывал на крупную черную жемчужину, вставленную в каст надетого на средний палец кольца. После усиления способностей Тровенг с помощью артефакта мог распознавать ложь намного отчетливее и потому точно знал, что генерал в чем-то солгал. Хотя и не во всем.

Тровенгу осталось до двери всего пару шагов, когда она распахнулись как от удара, и в проеме застыл очень импозантный старик. Высокий, статный и совершенно седой. По плечам морозной пряжей рассыпались снежно-белые волосы, лохматые брови нависали клочьями инея, пряча светло-голубые глаза.

А бледный рот кривила неожиданно язвительная ухмылка.

– Как умело и безжалостно вы расправились с его войском, сначала обвинив генерала в жестокости!

Гости замерли на несколько тягуче-долгих секунд, изучая его с головы до ног и постепенно приходя к выводу, что перед ними его величество Эршель Форандский собственной персоной. И все же душу каждого сверлило смутное подозрение, что это чья-то очередная шутка или проверка, а то и вовсе ловушка.

Тровенг, пару лет назад видевший короля на праздничном приеме, помнил его соломенным блондином, подтянутым и высокомерным. Магистры никак не могли объяснить себе появление в жизненной ауре Эршеля магического ореола. Ведуньи же с сомнением изучали простое одеяние незнакомца, помня, что король-сердцеед всегда славился изысканным вкусом и был завзятым франтом.

Только Леарон взирал на ехидного старца устало и хмуро, и губы секретаря кривились в немом укоре, как у гувернера, поймавшего воспитанника на воровстве конфет из буфета.

Вот этот-то взгляд и решил сомнения тайком посматривающей на курьера Дилли, в пользу кажущейся каверзным обманом истины. Мгновенно сложились все кусочки головоломки, стали понятны все несуразности и недомолвки, каждое слово и каждый взгляд встали на место так точно, что ведунью взяла легкая досада на саму себя. Вот куда она вчера смотрела, почему не поверила смутным догадкам, не сделала ни одного шага ему навстречу? Но еще ничего не потеряно. Да и невозможно потерять то, что свято хранишь в сердце. Хотя намеков хватило, и довольно прозрачных, осталось лишь подать последний знак.

– И тебе добрый день, – откинув вуаль, голосом матери произнесла она с той же укоризной, какая горела во взоре Леара. – А люди твои живы, просто спят.

– Не помню, когда я давал кому-либо из вас право обращаться ко мне на «ты», – вмиг ощетинился ледяными колючками Эршель.

– С памятью у вашего величества давно плоховато, – резко подняла свою вуаль Лита, – но право это мы все же имеем. Вот только не каждый из нас готов им воспользоваться.

– Так и будешь держать нас на пороге? – с насмешкой спросила Дилли. – Или желаешь пойти с нами на бриг?

– Ты – не она, – заявил Эршель, и в светлых глазах вскипела жаркая ярость. – И этого обмана я вам не прощу.

– А это ни грана и не обман, – гордо задрала нос графиня Тровенг. – Верно сказала моя сестра: с сообразительностью у тебя к старости стало плоховато. Иначе уже понял бы, что это условный знак, намек на некоторые тонкости, о которых тебе желательно было догадаться без излишних пояснений.

– За такую наглость… – король несколько секунд красноречиво молчал, давая беспардонной гостье сполна прочувствовать суровость грозящей ей кары, – тебя ждет наказание. И не надейся, что статус ведуньи дает право на снисхождение.

– Да кто же на это надеется? – презрительно фыркнула Дилли. – Мне уже двадцать семь лет известно, что ты никого и никогда не пожалел.

– Непонятно только одно, – с горьковатым ехидством добавила Лита. – А с какой тогда стати ваше величество надеялось на жалость нашей матери и на ее помощь? Если сам прожил всю жизнь образцом беспощадности и бесчувственности?

– Леарон! – грозно рявкнул король и смешно притопнул ногой в мягкой, разношенной домашней туфле. – Ты кого мне привез?

– Кого лорд Шраген пригласил, того и привез, – устало и совершенно без страха огрызнулся секретарь. – Но могу подтвердить, что он не ошибся. Это ведуньи Андилиана и Данлита. С лордом Тровенгом, регентом Онзирской княжны, ваше величество знакомо давно. Их сопровождают старшие магистры ковена магов.

– Лорды Дазвенорт, Ланберс, Даваргиус и Олбрэниз, – невозмутимо представил себя и коллег Звен.

– Ты ввел короля в заблуждение, – холодно попенял секретарю Гард. – Эти леди – не просто ведуньи. Леди Андилиана Тровенг – моя супруга. Леди Данлита ле Саренс – ее сестра и одновременно статс-дама, а также невеста магистра

Ланберса.

– В княжестве большие перемены, – ехидно прищурился Эршель. – Самые завидные женихи начали искать себе невест по хуторам и приютам.

– Так чему же удивляться, – не выдержав, съязвил взбешенный Ланс, – если именно там живут самые замечательные девушки княжества и ближайших стран?

– И к тому же ведуньи, – желчно подколол мага неуступчиво загораживающий проход король.

– Да, – гордо усмехнулся Гардант, – у моей жены не счесть достоинств. Нежная, умная, преданная, смелая, да еще и ведунья.

– Еще и принцесса, – невинно намекнул начинающий уставать от этого спора Звен.

– А вот это для меня совершенно не имеет значения, – веско изрек регент и, подхватив жену под руку, нежно спросил: – Тебе еще не надоело в гостях, любимая?

– Не обижайся на него, – просительно глянула Дилли в сердитые глаза мужа. – Он влип так, как не влипал никогда прежде, и даже предположить не мог, что с ним подобное может случиться. И теперь одновременно очень боится грядущего и не хочет, чтобы его жалели, потому-то язвит и кусается, как пойманная за хвост змея.

– Леарон! – злобно зашипел король. – Немедленно проводи их на бриг и отправь сообщение патрульным кораблям, чтобы выпустили! Пусть плывут ко всем лешим, и больше никогда – никогда, слышишь? – не давай мне таких идиотских советов, иначе закончишь жизнь в тюремной башне!

– Не смей его пугать! – внезапно разгневалась Лита. – И не ори на нас! Мы тебе ничего не должны, а вот ты перед нами по уши в долгу!

– Когда это я успел тебе задолжать? – яростно уставился на нее Эршель.

– Восемнадцать с половиной лет назад, – так же неистово рявкнула девчонка. – И не ври тут, как шкодливый сельский пастушок, будто не знал, откуда дети берутся! Тебе к тому времени было известно столько, что любой ловелас позавидовать мог! Только одного святого правила ты за всю жизнь так и не постиг! Если дал ребенку жизнь, то не жадничай, дай и кусок хлеба! Ты вот сейчас смертельно обиделся, что Ясвена не примчалась тебя спасать, а сам за восемнадцать лет хоть раз пришел ей на помощь? Подержал свое дитя на руках, когда она от усталости чуть не падала, ведь матери хлеб тяжким трудом доставался!

– Я предлагал ей купить усадьбу и нанять слуг! – Глаза короля стали белыми от бешенства, и трудно было не понять, что он едва сдерживается, чтобы не ударить маленькую нахалку.

– А! – едко фыркнула она. – Ну так давай мы сейчас купим тебе домик и наймем повара. Все проще, чем помогать снова сесть на трон.

– Да к змеям тот трон! – Гнев Эршеля вдруг резко угас, он отвернулся и зашаркал прочь.

А гости, онемев от неожиданности и страшных подозрений, потрясенно рассматривали нелепо болтавшийся за плечами короля короткий шелковый плащ, скрывавший нечто странное. Неправдоподобно, отталкивающе огромное и абсолютно противоестественное. Более всего это походило на привязанный к спине бурдюк с вином, и Гард даже поймал себя на попытке уловить бульканье напитка. Бесполезной, как выяснилось, – но это лишь подогрело его любопытство. Вот только спросить некого, король со сноровкой опытного жулика юркнул за одну из тяжелых занавесей, скрывавших проходы вглубь скалы, и звук его шагов сразу стих.

– Входите, – секретарь выглядел утомленным и расстроенным, – я покажу вам спальни. Здесь достаточно удобно, и даже вода в ванных есть, но холодная, нужно согревать амулетами. Дровами топим только камин в гостиной, и лишь вечерами, чтобы не выдать себя дымом.

– Леар, – мягко произнесла Дилли, придержав его за локоть, – мы не отдыхать ехали, успеем еще устроиться. Веди за ним. И если знаешь, расскажи, что у него со спиной?

– Вы просите невозможного, – неуступчиво заявил секретарь, осторожно бросая многозначительный взор в ту сторону, куда сбежал его повелитель.

Однако ведунья пока не собиралась выяснять, чего он так опасается. Сейчас ей хотелось разгадать жуткую, истово хранимую королем тайну и попытаться выяснить, существует ли надежный способ ему помочь. Но вслух Дилли говорить этого не стала.

– Ничего подобного, все как раз наоборот, – возразила с грустным вздохом. – Он запутался – сначала в своих интригах, потом в собственных амбициях, а теперь страдает от фамильной гордыни и чувства вины. Мне теперь ясно: наш любвеобильный родитель – крайне противоречивый человек. Вернее, симбиоз двух личностей: обаятельного хитреца и простодушного гордеца. Взрывоопасная смесь, толкающая его на самые неожиданные и даже неприглядные поступки. К примеру, подглядывание за гостями и подслушивание их разговоров.

Ведунья взглядом указала сестре на занавесь, к которой исподволь подвела Леара. Согласно взмахнув в ответ ресницами, Лита тенью скользнула туда. И сразу же, не раздумывая и не давая никому ни мгновения на рассуждения или протест, рывком отдернула штору.

Эршель был там, в глубокой нише, – неудобно скорчившись, сидел на простом стуле.

Но, попавшись с поличным, сумел не дернуться и даже сохранить внимательное выражение лица. Лишь разочарованно усмехнулся уголком губ и устало буркнул:

– Вы злые девчонки.

– Все в папочку. – Лита явно забыла, что собиралась разговаривать с королем с отстраненной вежливостью, либо уже успела изменить первоначальное намерение. – Если хотел получить добрых и любящих, то нужно было воспитывать самому.

– Значит, Ясвена не справилась.

– Неверный вывод. Мать все сделала правильно, и мы ее очень любим, – язвительно фыркнула младшая ведунья. – А чужих людей, да еще и обидевших нашу мать, ни уважать, ни жалеть не собираемся.

– Стоять! – вдруг с угрозой рявкнул Эршель, но было поздно.

Пока Лита пустой болтовней отвлекала его величество, Дилли мышкой прокралась ему за спину и откинула со странного горба плащ. А едва король ее обнаружил, спокойно протянула руку и сжала его предплечье стальной хваткой.

– Сидеть! – прикрикнула властно, как истинная королева, изучая открывшуюся ей картину, и позвала магистра: – Звен, иди, взгляни, что это такое?

– Проклятие… – едва оказавшись рядом, с досадой выдохнул маг и пояснил: – Самое настоящее. Примерно такое, какое было на Генри ле Саренсе. Саморазвивающееся и постоянно растущее. Кто-то очень сильно обозлился на его величество и приложил от всей души. Даже амулеты не спасли, в них ведь не предусмотришь всех пакостей, какие могут пожелать люди со скрытым даром.

– Ну так ведь он же сам всю жизнь старался делать все, чтобы его ненавидели! – едко произнесла Лита. – Вот и дождался. А по этой шишке вам не понятно, сколько времени он с нею ходит? Если бы он хоть примерно вспомнил, можно было точно сказать, кого так достал.

– Он и так знает, кто проклял, – буркнул Леар.

– Ну? – поторопил его Звен.

– Последняя королева. В тот день, когда они разводились… – Леар сдавал тайны правителя, не обращая внимания на злые взоры, которыми тот пытался его испепелить. – Шаманы пообещали снять проклятие, если им ее отдадут, но это уже невозможно. Она в ту же минуту прыгнула со стены монастыря.

– Бедняжка, – огорченно вздохнула Дилли. – Тоже нашла ради кого.

– Всё! – яростно рванулся король, но попытка не удалась. Девичьи руки держали крепче стальных кандалов.

– Ты не так поняла, – поправился Леар. – Прыгала она в надежде припугнуть его величество. Королева была отчаянной шантажисткой и совершенно не умела рассуждать логически. Придворные целители и охранники столько раз спасали ее сумасбродное величество от притворных попыток повеситься, отравиться и утопиться, что она поверила в собственное бессмертие. И, как избалованный ребенок, неустанно шантажировала всех окружающих, не понимая, что однажды может не повезти. В последний раз она прыгала в пышные заросли плюща, полагая, что они ее задержат, но промахнулась.

– Чем таким тебя подкупили, Леар, – почти с ненавистью процедил Эршель, уже не обращавший внимания на изучавших его магистров, – что ты стелешься перед ними, как раб?!

– Ничего-то он не понял, – разочарованно пробормотала Лита и успокаивающе погладила побледневшего секретаря по руке: – Не могу постичь, как можно много лет править огромной страной, оставаясь настолько слепым? И каждый раз упрямо наступать в одну и ту же лужу? Вот зачем он с таким постоянством женился на высокомерных и глупых принцессах, если рядом были любящие женщины?

– Бесполезный вопрос, Чижик, – устало вздохнула внезапно озаренная наитием старшая сестра. – Он не знает ответа, потому что никогда не искал.
И переставай уже дергать его за усы, наше дело простое – снять с него проклятие и вернуться домой. Леар, что она крикнула, перед тем как прыгнуть?

– Откуда ты знаешь? – вскинулся, как от удара, король.

– Ну это же элементарно, – одарила его снисходительным взглядом ведунья. – Раз она была шантажисткой, то просто не могла обойтись без театральных жестов. Выкрикнуть нечто трагическое и красиво погибнуть – это же самая излюбленная комедьянтами сцена.

– Да, – кивнул секретарь, – ты права. Ее последнее величество была заядлой комедьянткой. И вышла замуж за Эршеля вовсе не для того, чтобы рожать ему наследников, поэтому тайком пила зелья. Ей нужны были корона и свобода. Но

не удалось – целитель поймал ее с поличным. Король рассвирепел, она надерзила и в результате оказалась в монастыре. А когда его величество приехал провести ритуал расторжения союза, обвинила его во всех пороках и, крикнув: «Сам рожай себе уродов!» – прыгнула в заранее облюбованное место.

– Но в таком случае, – нахмурился Звен, – проклятие должно было появиться у него на животе.

– Там оно и проросло, – Леарон продолжал открывать тайны его величества с отчаянностью приговоренного, – но после шаманского обряда переползло на спину. И стало расти так быстро, что королю пришлось бежать, оставив трон и столицу на двойника.

– Предатель! – горько фыркнул Эршель. – Продался за ласковые улыбочки этих змеюк.

– Прекрати кривляться! – неожиданно строго прикрикнула Дилли. – И вообще помолчи. Дай подумать, как снять с тебя эту гадость.

– Не о том беспокоишься, – побелев от бешенства, прошипел король. – Я тебя к своему проклятию и близко не подпущу! Лучше ищи способ немедленно исчезнуть отсюда, пока я не приказал запереть тебя в карцере!

– Слушай меня внимательно, твое несчастное величество! – вмиг озверев, с ненавистью проскрипел Тровенг. – Если ты осмелишься еще хоть одним словом оскорбить мою жену или пригрозить, бояться за свою жизнь придется тебе. Ты и так растерял все мое былое уважение своим отношением к собственным детям! Ни одна, даже самая тупая, скотина на свете не бросает свое потомство на произвол судьбы! А ты умудрился по всему свету насеять бесприютных сирот и куска хлеба никому не дал. И был бы беден, как схимник, так ведь наоборот! На балах и приемах кормил драгоценными яствами сотни льстивых блюдолизов и лукавых комедьянтов, одаривал бриллиантами никчемных стихоплетов и продажных куртизанок. А своим детям, ни в чем не повинным малюткам, пожадничал горстку серебра на молоко! Не сверкай на меня глазами, как оскорбленная монашка, знаю я твой главный довод. Их матери якобы родили детей без твоего дозволения! Но ведь с твоим участием? Чижик, заткни уши.

– Я ничего не слышу, – кротко отозвалась девчонка и тут же его похвалила: – Но ты совершенно прав, зять.

– Я знаю, – уверенно усмехнулся он, ловя презрительным взглядом мрачный взор короля. – Но не пойму другого. Почему за столько лет его величеству не пришла в голову простая мысль, что его дети не должны отвечать за поступки своих матерей?

– Хотя сам он ни о чем подобном не задумывался, – тихо вздохнула Дилли, – но наша мать ему все это объясняла, и не раз. Однако его упрямое величество уперся: врожденное высокомерие помешало признать, что и короли могут в чем-то ошибаться. Как вы думаете, почему мать от него сбежала, когда поняла, что ждет ребенка? Не пожелала разделить участь прежних возлюбленных, которых вывозили из дворца в стареньких платьях на крестьянской телеге с одним узелком в руках. И с указом больше никогда не впускать в столицу и в королевские имения. Король рассуждал до омерзения просто: раз тебе так нужен был ребенок, можешь рожать, но кормить будешь сама. Поэтому бедные фаворитки и сдавали детей той старухе, а потом и сами сдавались в содержанки богатым сластолюбцам. За это я его и ненавижу, хотя мне повезло. Ясвена вовремя отыскала и забрала. И не меня одну.

Крепкие руки регента подхватили ведунью, прижали к мощной груди, губы бережно собрали с ее щек непрошеные слезинки.

– Дилли, счастье мое, тебе нужно от него отдохнуть… Ланс, ты нашел какую-нибудь комнату?

– Мне тоже, пожалуй, пора отдохнуть, – устало буркнула Лита. – Ланс, найди и мне комнату.

– Если желаете, я провожу, – предложил Леарон и, бросив на короля сочувствующий взгляд, торопливо направился к уже обнаруженному магами широкому проходу.

Там начиналась лестница, ведущая к лучшим спальням, уже несколько дней как готовым принять гостей.

Десятое светозарня

Королевский форт «Скальный»

Гард

– Прости меня, – выдохнула ведунья, когда тяжелая дубовая дверь, мягко чмокнув, отрезала от них все звуки и, казалось, весь мир.

Здесь, в невысокой келье, частично выдолбленной в стене, частично сложенной из огромных плит, она невольно чувствовала себя узницей или монахиней. Впечатление усиливало узкое, хотя и высокое, зарешеченное сводчатое окно и кованые бра, вкрученные в стены по обе стороны от него.

Правда, кто-то очень постарался сделать это мрачное помещение уютным и даже роскошным. Застелил пол мягкими светлыми коврами, задрапировал стены дорогими гобеленами. И поставил посреди комнатки низкую треногу, поддерживающую литую чугунную жаровню, в которой плясал призрачный огонь нагревающего амулета. Камни стен даже в летнюю пору источали прохладу.

Но первого впечатления это все же не меняло.

– За что? – укоризненно спросил Гард, снимая камзол и небрежно бросая его на изящный диванчик, казавшийся тут совершенно неуместным. – Я и сам не сдержался, он ведь всячески нас провоцировал.

– Но я этого ожидала, меня предупредили, – виновато глянула Дилли и последовала примеру мужа: сбросив туфли, побродила босиком по ковру. – Да захлестнула старая обида. Не знаю, как удержалась, не ударила так, чтобы взвыл от боли. Он, видите ли, поместье матери предлагал! Но вряд ли бы разрешил привести туда всех, кого она опекала.

– А Леар? Ты же сказала, что она его учила, – Гард усадил жену на диван, сел рядом и устроил ее ноги у себя на коленях, – но теперь я догадываюсь, кто предупреждает вашу мать.

– Тебе только сейчас стало это понятно? – лукаво глянула на мужа ведунья. – Больше предположений нет?

– Есть. Но настолько невероятные, что боюсь даже произнести вслух. Лучше скажи сама… Кстати, сколько ему лет?

– Он на два года моложе меня, – улыбнулась Дилли. – Мать сумела устроить учеником к королевскому знахарю одного из наших старших братьев… нет, не по отцу. Он и помогал ей забирать бастардов и прочих сирот. Так к нам попал и Леар. Его мать была чтицей у одной из королевских приживалок – во дворце живет с десяток немолодых воспитанниц и племянниц покойной королевы-матери. Отдавая сыну власть, она взяла с него обещание не выгонять ее подопечных.

– Куда делась та чтица? – нехотя спросил Гард, подозревая, что ничего хорошего не услышит.

– Ее отправили в монастырь, но по пути она подхватила горячку и попала в лазарет при храме маленького городка. Там и осталась. И вскоре на ней женился местный целитель. Но о ребенке после болезни она забыла, а Леар и не собирается напоминать. Он считает матерью Ясвену, как и все мы. И когда в шестнадцать лет решил познакомиться с Эршелем, мать не протестовала, помогла получить протекцию знахаря. Сначала Леар был посыльным, потом – помощником секретаря, а теперь остался один. Старший секретарь сидит около двойника.

– А король не подозревает, кто ему служит?

– Ну ты же сам видел. Он на редкость невнимателен к людям. Видимо, это болезнь у владык такая, – невесело пошутила Дилли.

– Заразная, – вспомнив князя, зло фыркнул Тровенг и осторожно осведомился, заглядывая в любимые глаза: – А ты уже знаешь, как ему помочь? Эршелю, разумеется. Не нравится мне здесь.

– Помочь себе может только он сам, – огорченно пояснила ведунья. – Для этого нужно его истовое желание и очень веская причина. Не трон и не корона, этим старик давно пресытился и ни грана не ценит. Нечто более важное, жизненно

необходимое, потому мы его и выводим из себя – ищем самое больное место.

– Жестокий способ, – признал Гард, обдумав ее слова, – но он такого и заслужил. Однако одно мне непонятно: раз ваша мать уже хорошо его знала, то как попалась с Литой?

– Приехала за очередным ребенком и именно попалась, ты угадал. Стража задержала. Их как раз вооружили мощными амулетами. Что было дальше – я точно не знаю, а рассказывать об этом мать не любит. Но можно спросить Леара, он обещал попозже заглянуть.

Гард ничего подобного не помнил и не заметил никаких жестов или взглядов, но жене верил. И потому, отбросив всякие заботы на потом, все внимание и всю нежность недолюбленного сердца обрушил на нее.

Леарон постучал в их комнату на закате, деликатно выждал, пока ему откроют, и тенью скользнул внутрь.

– Угомонился, часок поспит, – выдохнул в ответ на вопрошающий взгляд сестры и, присев на кресло, задал встречный вопрос: – Ты ему рассказала?

– Лишь то, о чем знала. Мать открыла мне правду только перед отъездом сюда.

– Ей и это было далеко не просто сделать, – мгновенно встал на защиту Ясвены бастард, и с души Гарда снялся тяжкий камень подозрения в предательстве.

Хотя регент доверял мнению Дилли и Чижика, но совершенно исключать такую возможность не мог. Слишком давно живет Леарон в королевском дворце, и память о детских годах, проведенных в небогатом сельском домике, и о женщине с ясными глазами, певшей одну на всех колыбельную, вполне могла стать туманным воспоминанием. Трудно, живя в роскошном дворце и садясь каждый день за заставленный яствами стол, помнить вкус жареной рыбешки, пойманной в ближайшей речке, и тосковать по недозрелым яблокам, сорванным прямо через окно.

– Да я не настаиваю, – примирительно улыбнулся он секретарю. – И того, что узнал, вполне достаточно. Но очень хочется побыстрее избавить его от этой гадости. У тебя нет никаких идей? Все-таки ты постоянно находишься рядом. И еще… если не желаешь, не отвечай… но почему ты не попытался сам его от этого избавить?

– Я для него не авторитет, – грустно усмехнулся Леар, – а открывать свои умения не намерен. Он тогда меня и на пушечный выстрел к себе не подпустит. Эршель, как любой прожженный интриган, верит только тем, кого считает простодушными овечками. Хотя таких в его окружении давно нет, а те, кто таковыми кажутся, – просто талантливые комедьянты. Но хуже всего иное. Эршель, никогда не понимавший женского сердца и не испытавший отцовских чувств, вдруг проникся нежностью к своему проклятию. Ему с чего-то втемяшилось в голову, что там зреет его сын, и он скоро родится. Вот для этого Эршелю и нужна была Ясвена. Несмотря на все прежние размолвки и недопонимание, он свято верит, что она никогда не обидит чужого ребенка. Не бросит, примет и полюбит, насколько бы калечным он ни был. Слова Сартоллы про урода он воспринял слишком буквально.

– Но ведь это невозможно! – потрясенно охнула Дилли. – Дети таким способом не появляются.

– Обычные, – с горьким сарказмом фыркнул Леар. – А у него будет зачатый магически. Он даже ощущает, как там что-то шевелится, и переубедить его абсолютно невозможно. Но он не сошел с ума в общепринятом смысле: пишет письма двойнику, дает советы по управлению страной и удержанию войск от стычек. Адмирал мотается по морям, пытаясь уберечь королевство от гражданской войны, верные люди втихомолку ведут подпольную борьбу против двойника. Только генерал Пладиз сидит тут, как кот у мышиной норки, считая себя самым хитрым стратегом.

– Ну да, – понимающе усмехнулся Гард, – при любом развитии событий он окажется прав. Если на троне останется самозванец, генерал заявит, будто охранял короля, чтобы не сбежал, а если победит Эршель – то доблестно защищал.

– Больше он ничего не заявит, – тихо признался Леар. – Я вывел его из игры. Теперь гарнизоном командует полковник Карерс, утром он был лейтенантом и генеральским адъютантом.

– Ну и правильно, – похвалил Тровенг. – Не нужно терпеть врагов рядом с собой, они и издали достанут. Тогда давайте пригласим магистров и устроим совещание… Или ты не желаешь пока открывать своих секретов?

– Боюсь, сейчас он в разладе с самим собой, – сочувственно глядя на брата, пояснила мужу ведунья. – Король никогда еще так не нуждался в чьей-либо поддержке. Страшно это – дожить до таких лет и обнаружить, что рядом нет ни одного по-настоящему близкого существа.

– Не надо было вышвыривать их из дома, этих существ, – непримиримо буркнул Гард и крепче прижал к себе жену, давая себе и ей мысленный обет никогда ничего не решать в одиночку и сгоряча.

– Король это понял, – помолчав, хмуро усмехнулся бастард. – Вскоре после гибели Сартоллы его пригласил хан Кемина на смотрины, он давно мечтает породниться. Я был в свите и все видел своими глазами. У хана полторы сотни детей, и он каждый день два часа играет с младшими. Они борются перед отцом на коврах в большом зале, бегают наперегонки, показывают свои рисунки и игрушки. Хан помнит всех по именам и всем находит доброе слово и особую сладость. Эршель смотрел на их счастливые рожицы потрясенно, как человек, случайно попавший в чужой мир и обнаруживший там невероятных существ. Вот тогда я очень хотел уйти, вернуться к матери, положить голову ей на колени и закрыть глаза… Так хочется иногда, чтобы тебя просто погладили по голове…

– Леар! – ринулась к брату ведунья, обхватила его руками как маленького, прижала к себе. – Но разве у тебя нет подружки?

– Была, – вздохнул он через минуту, поцеловал ладошку сестры и подтолкнул Дилли к мужу. – Но пока я сижу здесь, нашла другого. Я ее не виню, у меня ведь ни титула, ни поместья.

– Ну и пусть ее. Не нужна тебе девушка, которая меряет людей титулами и сундуками с золотом, – уверенно заявила Дилли. – А титул у тебя есть. Ты теперь граф ле Саренс, наша мать сейчас живет в родовом особняке ле Саренсов, и все ее дети будут носить это имя. Сейчас придут магистры, попрошу написать указ.

– Можешь сама написать, – нежно улыбнулся Тровенг. – Малая печать у меня с собой. А магам отдадим на сохранение. И вообще, Леар, я не успел сказать, что признал всех сестер и братьев Дилли своими родственниками. У меня найдется для тебя и хорошая работа, и место в замке князя. Ну а дом мы тебе подарим, когда женишься. Бросай ты этого неблагодарного старика, никогда до него не дойдет, что самое главное в жизни – это доброе отношение людей. Любовь супругов, детей, родителей, преданность друзей и коллег, уважение жителей своей страны и соседней.

– Спасибо, – Леарон выглядел несколько ошеломленным, – я подумаю. Посмотрю на него, когда спадет проклятие. Если ничего не изменится – клянусь, уйду.

Дилли только молча кивнула. Ей было отлично известно, насколько нелегко тем, кто способен понимать и прощать чужие слабости и ошибки, бросать на произвол судьбы взятых под опеку людей.

На ужин гостей пригласили в парадную столовую, и шли они туда с неохотой. Не очень-то приятно есть под прицелом злых королевских глаз. Слушать язвительные выпады его величества тоже никому не хотелось. Однако Эршель то ли взял себя в руки, то ли готовил особенную эскападу, но ни в чем не проявил своей несдержанности. Хотя был излишне угрюм и молчалив, но это гораздо более подходило его положению, чем недавние угрозы и ругань.

Приглашенные тоже старательно обходили все темы, связанные с их визитом, опасаясь наступить королю на любимую мозоль. К тому же детали ритуала избавления Эршеля от проклятия они уже обсудили и все приготовления сделали.

– Ваше величество, – учтиво предупредил Звен, покидая столовую после трапезы, – сейчас вам необходимо хорошенько отдохнуть. К ведьминому часу мы закончим составление необходимого зелья, и его нужно будет выпить немедленно. Оно действует только три минуты, после того как заложен последний компонент.

– Не буду я пить никаких зелий, – ожидаемо огрызнулся Эршель. – И почему его нельзя было сварить днем?

– Таковы условия успеха, – твердо и очень серьезно сообщил магистр, стараясь, чтобы в его взоре не мелькнуло даже искры смеха, от которого Звена просто распирало.

Пациент должен твердо верить, что слышит наичистейшую правду. Хотя полуправды и не бывает, но не стоит говорить об этом обывателям, считающим, что всегда остается крохотная лазейка, эдакая спасительная щель для трусливой мышки.

– Успеха чего? – въедливо осведомился Эршель.

– Пока – только испытания. Секретарь сообщил о вашем предположении, и мы обязаны это проверить. Хотя до сих пор никогда не происходило ничего подобного, однако магическая энергия настолько непредсказуема и до конца не изучена, что можно подозревать все что угодно. А от вас требуется лишь одно: быть отдохнувшим и спокойным, чтобы эмоции не повлияли на результат.

– Я желаю немедленно услышать все подробности этого эксперимента!

– Ритуала, – строго поправил Дазвенорт.

Дичь жадно слопала наживку и сейчас ожидаемо лезла в расставленные силки, но ни в коем случае не должна была этого понять.

– Пусть будет «ритуала».

– Он очень прост. Чтобы сохранить стабильность, любое проклятие должно все время находиться в защитном магическом коконе. Поскольку после получения проклятия человек обязан постоянно подпитывать его энергией, он становится чем-то вроде живого камня-накопителя. Увы, к развитию способностей это не ведет. Почти. Но наделяет привычкой тянуть магию отовсюду: из собственных амулетов и чужих, из заклинаний и вещей. Вы не могли не заметить, что ваши амулеты все чаще требуют пополнения энергии.

– Вы хотите лишить его этой энергии? – подозрительно прищурился король.

– Всего на одну минуту. Вашему разросшемуся проклятию за это время не будет нанесено даже малейшего урона, а мы сможем просканировать находящийся внутри кокона объект и создать его точный макет. Ну, почти портрет.

– Я должен подумать и посоветоваться.

– С кем?! – Лицо мага вмиг стало надменно-оскорбленным. – Сейчас в вашем форте находятся четверо сильнейших магистров нашего мира, и мы уже провели консилиум. Но если вы считаете достойными экспертами халгирских недоучек, нам не о чем больше с вами говорить.

Звен развернулся и решительно направился к выходу.

– Ладно, – неохотное бурчание донеслось до магистра, когда он уже взялся за дверную ручку, – я согласен.

– За вами придут, – не оглядываясь, холодно обронил Звен и с достоинством вышел из трапезной.

Одиннадцатое светозарня

Королевский форт «Скальный»

Дилли

– Я так и не заснула! – Лита виновато глянула на сестру – вот зачем она ей жалуется?

Вряд ли сама Дилли поспала хоть немного… или кто-то из магов. Не говоря уже о его величестве. Но короля Звен нарочно предупредил заранее, собираясь довести до «стадии готовности», как выразился Ланс. А вот все они страдали за компанию и теперь просто мечтали разделаться с этой проблемой как можно скорее.

– Ничего, – бледно улыбнулась ведунья. – Отоспимся, когда поплывем назад. Ты мне другое скажи…

– Стой! – выставила ладошку младшая. – Ни слова больше, если хочешь спросить, почему он стал таким учтивым и безразличным!

– Я вообще-то спрашивать не собиралась, но мне грустно смотреть на тебя, когда ты такая.

– Мне самой это не нравится… – Чижик отвернулась к узкому окну, постояла, всматриваясь в непроницаемую мглу, и тихо выдохнула: – Вот почему я такая несчастливая? В мать?

– Лита! – возмутилась старшая. – При чем тут твоя мать? И у кого из нас матери были удачливыми? Но это же не значит, будто нужно сваливать на них все свои ошибки и промахи? Я тебя просила: не обращайся со взрослым умным мужчиной как с зеленым рыночным прохвостом! Вспомни первое правило: надо поставить себя на его место.

– Ставила, – не оборачиваясь, горько усмехнулась Чижик. – И ты права. Если бы я была сильным магом и дознавателем, никогда бы не выбрала в спутницы такую дерзкую сумасбродку.

– А теперь вспомни правило второе, – с улыбкой продолжила Дилли. – Не забывать, что и твой избранник может знать первую заповедь.

– Если так, – помолчав, обреченно признала девчонка, – у меня вообще нет никаких шансов. С его точки зрения, девушка на моем месте должна вести себя совершенно иначе: таять от внимания, краснеть от признаний, благодарить за заботу. И не требовать невозможного.

– Думаю, ты недостаточно хорошо себя поняла, когда глядела со стороны. – Подойдя к сестре, Дилли обняла ее за плечи, по-матерински погладила по голове, прижалась щекой к прохладному виску и шепнула: – И правило третье. Если чувствуешь, что просто жить не можешь без этого человека, не прячься в свой домик, словно улитка, а распахни крылья и лети, как самый беспечный мотылек. И будь счастлива. Столько, сколько повезет.

Лита возмущенно фыркнула, но вслух ничего не сказала.

Для ритуала магистры выбрали просторный кабинет лекаря, даже не подумав предупреждать его самого. И вовсе не оттого, что маги вообще не любили доверять незнакомым людям свои тайны. Просто этого знахаря привез с собой генерал Пладиз, и поскольку других целителей король не имел, Мастон занял пост главного лекаря форта. Это насторожило Гарта и Ланса, и они поделились сомнениями со старшими магистрами. Вскоре лекаря одолела неотступная сонливость, и теперь он мирно спал в собственной постели, а в его кабинете хозяйничали гости. Сдвинули в сторону столы, поставили посредине простой дубовый табурет, обвели его призрачно сиявшим кругом, расчерченным на сектора, подписанные диковинными знаками.

Все маги были одеты в длинные, серебристые, тускло поблескивающие накидки с капюшонами, напоминавшие одеяния пустынных кочевников, и у каждого на лбу поблескивал разноцветными камнями серебряный обруч. Ведуньям тоже выдали плащи, только бледно-зеленого цвета и с изящно вышитыми защитными рунами.

– Магии в них пока нет, – предупредил Звен, – но перед началом ритуала необходимо будет напитать. Старое проклятие, потревоженное и искореженное косорукими шаманами, может хранить любые сюрпризы.

– Нам это не повредит, – попыталась отказаться Дилли, но перехватила устремленный на Литу встревоженный взгляд Ланса и неожиданно согласилась: – Ну ладно, раз вам так спокойнее.

– Дилли?! – возмутилась ничего не заметившая Лита, но сестра успокоила ее кроткой улыбкой:

– Придется немного потерпеть, нужно уметь действовать в любых условиях.

– Король идет, – сообщил дежуривший у входа Ланс и предупредительно распахнул двери.

Эршель явился в сопровождении секретаря и Тровенга, решившего лично присмотреть за изменчивым величеством.

Но сейчас король вовсе не выглядел ни сумасбродом, ни интриганом, он был бледен и серьезен. И одет в темный простой костюм, какие носили все его немногочисленные слуги.

– Мне туда? – Хмуро указав на табурет, Эршель шагнул было вперед, но у него на пути решительно встал Варгус:

– Позвольте помочь вам снять лишние вещи.

Король вздернул подбородок, сверкнув глазами, явно намереваясь сказать что-то резкое, и вдруг обнаружил стоящих за кругом ведуний. Скрипнул зубами и неохотно потянулся к застежке. Целитель с мягкой настойчивостью отстранил его руки, сам расстегнул пряжки, сам аккуратно снял с короля верхнюю одежду, оставив, кроме штанов, лишь нижнюю рубаху.

Все амулеты и обереги, включая королевскую печать, он тоже снял, потом уверенно стащил с рук Эршеля кольца, браслеты и цепочки.

– Еще в карманах какие-то камни, – буркнул наблюдавший за этой процедурой Звен.

– И в сапогах, – едва слышно прошелестела Дилли.

– А почти незаметно, – укоризненно признал магистр. – Так вот почему он не надел туфли!

– Тут есть какие-то… – Заглянув в шкаф, Леар достал войлочные госпитальные шлепанцы без задников. – Лекарь всех заставляет разуваться.

Эршель помрачнел и молча сбросил с ног короткие сапожки.

Через минуту на табурете сидел беловолосый старец в тонкой рубахе и дешевых шлепанцах и угрюмо сопел.

– Высыпай, – скомандовал старший магистр.

Брэн, осторожно помешивавший булькающее в серебряной чаше варево, кивнул и бережно, как золотую пыль, высыпал в свое зелье какой-то ингредиент.

Забулькало сильнее, вспухла над чашей пышная рыжая пена, и маг, немедленно сняв снадобье с магической горелки, слил его в прозрачную мензурку. Теперь оно было почти бесцветным, лишь чуть синеватым, и пахло свежестью и дождем.

– Одну мерку, – командовал процедурой Звен, и его коллега так же молча отлил зелье в прозрачный бокал с делениями. – Пейте, ваше величество.

Эршель, обреченно вздохнув, принял зелье с таким видом, будто это яд, и поднес к губам.

– Смелее, оно уже холодное. И не горькое.

Король смерил его едким взором и махом, как пьют противное лекарство, проглотил снадобье. Посидел секунду, прислушиваясь к себе, тихонько хмыкнул и оглянулся на столпившихся за его спиной магов.

– Ну…

– Тсс! Посидите минутку молча.

В следующую секунду король расслышал треск ткани и с досадой стиснул зубы, запоздало сообразив, что никто не собирался смотреть на его проклятый нарост через рубаху. Вот теперь он сидел не шевелясь, изо всех сил пытаясь унять бушующий в его груди гнев. А тот взвивался снова и снова, стоило старику вспомнить, что на его обезображенную мерзким наростом спину смотрят и две нахальные девчонки, в открытую называвшие себя его дочерьми.

– Темный лес!.. – едва слышно выдохнула Дилли, увидев воплощение проклятия.

Оно проросло под кожей короля, растянув ее уродливым пузырем. И если бы шаманы не вспугнули спонтанное заклинание и не добавили ему энергии и

плетений, сейчас вполне могло бы сойти за возрастной жирок. А теперь было безобразным уродством, от которого хотелось побыстрее отвернуться и забыть. И его величество, несомненно, это понимал – вряд ли еще не рассмотрел себя в зеркалах.

– Я не вижу в нем ничего отчетливого, – почти виновато пробормотал Варгус. – Сплошная масса.

– Я тоже, – подтвердил Звен и вопросительно глянул на Дилли: – А вам что там видится?

Но ведунья, сделав знак сестре и брату, уже шла мимо них к королю. И искренне радовалась, что старик получил порцию успокаивающего зелья, добавляющего пациенту доверчивости.

– Там что-то неправильное. – Встав напротив отца, Дилли открыто заглянула ему в глаза. – Но в любом случае ты таскаешь это уже почти год. Тогда как женщины носят детей девять месяцев. А иногда и меньше, но младенцы от этого рождаются не менее здоровыми. Поэтому тебе пора его родить, и тогда мы посмотрим, что там. Но не волнуйся, никто из нас не намерен тебя обмануть. Обещаю, ты все увидишь своими глазами. Леар, прикажи принести серебряную посудину побольше, на кухне должна быть для заливного. И пару зеркал, поставим так, чтобы он мог рассмотреть каждое наше движение.

Серьезно кивнув, секретарь позвонил слугам, но прежде, чем открыть им двери, заботливо накинул на плечи короля свой плащ.

Через несколько минут все было готово. Эршель, молча и отрешенно наблюдавший за действиями магов, пристально уставился в зеркало. И тут же спохватился – поднял взор на стоящую перед ним Дилли и вымученно улыбнулся.

– Начинаем, – получив разрешающий кивок Звена, объявила ведунья королю. – Запомни, сейчас главный – ты. Это на твоем теле прижилось чужое, нечаянное заклятие, и из тебя оно тянет жизненную силу. Тебе нужно осознать, что так не может продолжаться вечно, пора ему от тебя отделиться. Как разделяются мать и ребенок, птица и яйцо, дерево и плод. Время пришло. Соберись и дай своему телу приказ напрячься, отторгнуть от себя созревшую сущность. Представь

мысленно, как она отделяется от тебя, собирается в комок, отталкивается изо всей мочи. И сам ее отстраняй, отрывай упорно, как выталкивают из себя детей женщины. Сейчас для вас самое важное – разделиться, стать двумя свободными существами, начать жить порознь.

Дилли не особенно выбирала слова, зная точно: они будут всего-навсего фоном. Главное – это ее уверенность в своих действиях и манипуляциях магов, понимание необходимости и неизбежности избавления от проклятия.

И ведунья вкладывала во взгляд и голос всю силу своего убеждения, всю веру в правильность происходящего, все умение увещевать и доказывать. Ловила взор Эршеля напрямую и в отражении зеркал, когда он пытался разобрать действия магов, держала его цепко, как ускользавшего воришку, и на все лады повторяла одни и те же доводы и аргументы.

А магистры, объединившись, осторожно и неспешно, но неуклонно отделяли присосавшееся проклятие, даже не сомневаясь, что просто так оно не сдастся. До последнего будет держаться за носителя цепко, словно впившийся в кожу кровожадный клещ или выросший на тонкой березке уродливый гриб чага.

Дилли не знала используемых ими заклятий, но видела и призрачные фиолетовые языки странного тумана, плывущие от Звена, и зеленоватых змеек целительной магии, вьющихся вокруг пальцев Варгуса. И явно защитные плотные синеватые коконы, выросшие вокруг всех присутствующих. И хотя ведуньи не опасались проклятий, Дилли была благодарна спутникам за заботу.

Можно, конечно, получив сочащийся злой магией комок чужой ненависти, поднять на защиту скрытые способности своего тела и смыть с себя водой все чуждое и агрессивное. Но гораздо легче просто делать свое дело, не следя за каждым, кто может походя стряхнуть на тебя свои недобрые эмоции. Иногда осмысленно, но зачастую просто так, походя.

Ведунья хорошо запомнила первое такое нападение. Тогда соседская девчушка, считавшаяся ее подружкой, окинув взглядом новое платьице Дилли, вдруг метнула в нее неосязаемый пучок переливающихся багрянцем и зеленью игл.

– Способности у нее ведьминские, – огорченно ворчала потом Ясвена, помогая дочери снять последствия спонтанной порчи. – Небольшие, но вкупе с

неустойчивым, буйным характером дают такие вот выбросы.

Дилли тогда ничего не поняла, но тренировать и развивать способность управлять своим телом стала еще упорнее. А подружку вдруг забрала гильдия знахарей, пообещав, что она сможет постичь ремесло предсказательницы.

– Больно… – вдруг процедил сквозь зубы Эршель, и к нему тотчас ринулся Варгус. Положил на плечи короля сиявшие зеленью руки и ушел взглядом в себя.

– Потерпи, – почти ласково попросила Дилли и с печальной усмешкой упрекнула: – Ты же слышал, что женщины рожают детей своих в тяжких муках? Только наверняка никогда не задумывался, зачем им это так нужно.

– Ну и зачем? – едва сдерживаясь, чтобы не застонать, прорычал Эршель.

– Любовь, – коротко вздохнула она. – Хочется знать, что будет жить на свете маленький человечек, похожий на твоего любимого. Тот, в ком соединятся мечты, надежды и судьбы.

– А деньги? – с презрением скривился король.

– Какие деньги? Вот ты сколько отдал бы, чтобы не таскать целый год на животе эту штуку? И не терпеть сейчас разрывающей тело боли? А за сколько хотел купить покорность нашей матери? Однако она предпочла сама пахать землю и сажать фасоль, но не отказалась от нас.

– Ей я предлагал все, – огрызнулся король и не сдержал стона.

– Вот и подумай, как больно и обидно было ей, – прикрикнула Дилли, – если Ясвена предпочла от тебя сбежать! Да не переставай отрывать от себя эту напасть, если не хочешь мучиться сутки или двое, как некоторые женщины.

– Сутки?! – В голосе Эршеля прорвался невольный ужас. – Ты лжешь…

– Нет. Вот все закончится, отведу тебя к повитухам, пусть расскажут и покажут, иначе ведь не поверишь. И откуда в тебе столько недоверия?

– У-у-у!!! – замычал от боли явно пытавшийся что-то сказать король и вцепился в стул так крепко, что на бледных руках вздулись синие вены.

– Не терпи, отрывай его от себя, помоги магам, – кусая губы от сострадания, уговаривала, приказывала Дилли, но Эршель, казалось, ничего уже не слышал.

А за его спиной разворачивалось настоящее побоище. Маги уже опутали проклятие сложной сетью различных щитов и, постепенно стягивая ее у самой спины пациента кольцом, тянули прочь. Но магическая система, ощутив потерю устойчивой опоры и источника тепла, упорно стремилась отвоевать потерянные позиции. Нужно было оторвать ее так, чтобы не добавить ни капли энергии.

– Давай приманку, – скомандовал Звен, и в руках Брэна возник светлый шар размером с человеческую голову, даже издали выглядевший горячим. – Ближе!

Шар подплыл почти вплотную к стиснутому в щитах пузырю бледной, натянутой до полупрозрачности, кожи, и в тот же миг в щитах появилась круглая прореха, словно оконце открылось.

– Отрывай! – повелительно рявкнул Варгус.

Даже Дилли не сразу поняла, что это было командой вовсе не для Эршеля. Вернее, не для него одного. Маги вмиг напряглись; заискрили, сталкиваясь, разноцветные потоки магии; отчаянно замычал король, прикусив какую-то деревяшку… И вдруг смолк, покачнулся, безжизненно свесив голову, и Дилли тотчас оказалась рядом с ним, вцепилась в ворот располосованной на спине рубахи, притянула к себе, прибавляя рукам силы.

– Еще! Еще! – рычал Звен, и все четверо магов, оставив короля заботам ведуньи, удвоили усилия, словно не замечая, как все жарче становится в комнате и все сильнее пахнет грозой.

Стиснутый сетью нарост, уже вытянувшийся, как верблюжий горб, и заметно истончившийся у основания, вдруг потянулся, как живой, к маняще пылающему шару. Щиты мгновенно разошлись на его самой выступающей части и соскользнули вниз, к телу короля, все сильнее стягивая сужающуюся перемычку, как стягивает винодел горло бурдюка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chirkova_vera/vedun-ya-protiv-korolya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить